

Глава 1

«Милостивый государь мой, Константин Митрофанович!

Пишу к Вам не только потому, что Вы служите в полицейском ведомстве, но и потому, что Вы родная Андрею Викторовичу душа. Питаю надежду на сочувствие и скорую помощь в постигшем нашу семью несчастье...»

«Ах, нет, невозможно, казенно, нескладно. Господи, да как же попросту попросить помочь?» Аполония Станиславовна с тоской смяла листок и бросила его в корзину. Письмо ей не давалось, и она знала почему. Она боялась назвать вещи своими именами, чтобы не накликать еще большей беды. Андрей Викторович, ее супруг, совладелец и директор одного из самых популярных закрытых пансионатов для девушек, исчез, пропал таинственным образом. Как сквозь землю провалился!

Аполония собралась с духом и принялась за новое письмо. Оно было адресовано троюродному брату мужа, служившему в Петербургской сыскной полиции следователем. Сердюков, так звали родственника, иногда заезжал к ним. Аполония слегка смущалась этого неразговорчивого, одинокого человека, который, как ей казалось, и не выходил из полицейского участка, проводя все дни свои в неустанных трудах на благородном поприще защиты законопослушных обывателей. Она и подумать не могла, что ей придется когда-либо просить его помощи!

«Дорогой Константин Митрофанович! У нас превеликая беда. Не знаю, как и сказать. Андрей пропал, уже как неделю. Ни письма, ни записки, вообще никаких следов. Я делаю вид, что ничего не случилось, пансион работает, девочки учатся. Я веду все дела сама. Говорю, что господин директор в отъезде по срочным делам. Но ведь так долго продолжаться не может! Боюсь скандала, родители тотчас же разберут детей, и тогда пропало дело всей Андрюшиной жизни! И это теперь, после тех неприятных для репутации нашего пансиона статей в газетах с немислимыми обвинениями в наш адрес! Ума не приложу, что с ним случилось. Вы ведь его знаете, он человек обстоятельный, легко-

мысленные порывы ему несвойственны. Впрочем, я готова принять любую новость, которая прояснит ситуацию. Пребываю в величайшей тревоге. Молю, сохраните мое письмо в тайне от кого бы то ни было. Надеюсь, что откликнетесь.

Ваша Аполония Хорошевская».

Запечатав письмо, молодая женщина позвала горничную и приказала отправить письмо немедленно. На конверте она написала домашний адрес Сердюкова. Ничто не указывало на то, что оно адресовано полицейскому следователю.

Горничная, выходя из комнаты, уже в дверях вдруг остановилась:

— А Андрей Викторович скоро будет?

Аполония вся внутренне сжалась.

— Вероятно, скоро. А на что он тебе?

— Так ведь жалованье обещали прибавить в этот месяц. Ведь я и у старших барышень в дортуаре прибирала, когда их горничная захворала.

— Да, да, конечно! — торопливо проговорила Аполония и поспешила в другую комнату за деньгами. — Вот тебе, а теперь поскорее отправь письмо!

— Премного благодарствуйте! — Горничная скользнула цепким взором по немного растерянному лицу барыни и быстро вышла вон.

«Догадывается! Плохо я умею лгать! Актриса из меня негодная! Господи, помоги Андрюше! Куда же он запропастился?»

Аполония Станиславовна глянула на себя в зеркало. Лицо было бледное, выражение лица слишком напряженное. Она почти бездумно провела щеткой по пышным темно-русым волосам, собранным в высокую прическу валиком. Попыталась улыбнуться, вышло плохо, кисло.

Из-за дверей неслась трель звонка. Пригладив и без того безукоризненный белый кружевной воротничок, она глубоко вздохнула и вышла из директорских апартаментов с высоко поднятой головой.

Навстречу ей попадались учителя, спешившие в классы с книгами, картами, чучелами. Пансионерки в темно-зеленых платьях с пелеринами при виде любимой начальницы сделали глубокий реверанс и хотели было обступить ее с веселым щебетаньем, но на сей раз госпожа Хорошевская их разочаровала:

— Ступайте, ступайте, милые дети, по классам! Мне нынче некогда. У меня много дел!

Девочки разбежались, и только одна, маленькая и очень хрупкая на вид, прижалась к ее руке.

— Лизонька! Дружок! Ты что-то грустна нынче?

Она погладила девочку по головке с особенным чувством. Лизонька приходилась директрисе родной племянницей. В пансионе она была первый год, скучала по дому, и даже присутствие любящей тетки не скрашивало тоски ребенка по матери.

— Маменька нынче снилась! Проснулась, а ее нет. Я даже заплакала! — тихо пролепетала малышка.

— Полно, Лиза! Ты опять плачешь! Посмотри, сколько вокруг милых и веселых девочек! Они не плачут, хотя тоже скучают по своим родителям. А ведь подле них нету, как у тебя, дяди и тети.

Аполония старалась казаться бодрой, но чуткое сердце ребенка угадывало тревогу тетки.

— Андрей Викторович скоро вернется? Он вместе с моей мамой приедет? Да?

— Вот уж не знаю, как на этот раз получится.

Аполония снова погладила девочку по светлой головке, украшенной черным атласным бантом. Муж действительно частенько, когда бывал в столице по делам, заезжал к свояченице.

Раздался пронзительный звонок. Швейцар Яков, в обязанности которого входило не только смотреть за парадным входом, но и подавать

звонки на уроки, с усилием тряс большим медным звонком, гулкий звон которого разносился по всему зданию пансиона.

День полетел стремительно. Аполония взвалила на себя весь груз забот: проводила занятия, решала хозяйственные проблемы. Но чем бы она ни занималась, тревога неотступно грызла ее сознание. Конечно, Андрей молодой, привлекательный мужчина. Говорят, у всех женатых мужчин, какими бы примерными семьянинами они ни были, случаются посторонние связи, скоротечные романы. Наверное, она уже немного ему надоела, со своей непомерной лаской, неистовой, ненасытной любовью. Она слышала также, что мужья иногда сильно пьют, себя забывают. Андрей не из таких, но ведь всякое может приключиться! Только бы он объявился живой и невредимый. А там уж они разберутся. Только бы не вышло наружу. Очередного скандала пансион не вынесет, все пойдет прахом!

— Сударыня! Вы слушаете меня? — неожиданно резко раздалось рядом.

Она уже минут десять разговаривала с учителем истории и философии господином Мелихом, но так погрузилась в свои мысли, что совсем забыла о собеседнике.

— Мне кажется, сударыня, что вы не совсем правильно поняли меня. Мы говорили с господином директором, что он уж нынче сам рассмотрит предложенный мною план лекций. Я корпел над ним весь прошлый год! Ведь это была идея господина директора!

— Да, да! — поспешно ответила Аполония. — Я понимаю вашу озабоченность. Конечно, Андрей Викторович непременно вызовет вас к себе тотчас, когда прибудет. Не беспокойтесь, ваш труд, несомненно, будет оценен по достоинству.

Она поторопилась отойти от учителя. Тот уже намеревался познакомиться с содержимым увесистой папки, которую сжимал под мышкой.

К вечеру, когда занятия в классах закончились и пансионерки и старшего, и младшего класса разошлись по своим дортуарам, Аполония поспешила укрыться за дверью директорской квартиры. Вдруг она услышала, как во двор въезжает экипаж.

Господи, неужели Андрей? Неужели Господь услышал ее мольбу? Или, может, это Сердюков уже получил письмо и примчался быстрее ветра? Она нетерпеливо выглянула в окно, не дожидаясь доклада горничной. Из роскошного ландо плавно вышла нарядная женщина. Приезжая подняла голову, ища взглядом окна квартиры директора, и,

заметив Аполонию, приветливо помахала рукой. Это была старшая сестра Аполонии Аделия, мать Лизы.

Сестры обожали друг друга, всегда радовались встрече. Но теперь приезд Аделии оказался некстати. Аполония не хотела раскрывать ужасную тайну до выяснения каких-либо обстоятельств, но и притворяться перед сестрой она не могла, слишком хорошо они знали друг друга.

Через минуту гостя уже врывалась в гостиную. Аделия носила траур по мужу. Но даже вдовьи одежды не заглушали в ней врожденного вкуса и изящества. Некоторые вдовы кокетничают в своем черном убранстве. Аделия не принадлежала к породе таких безнравственных особ. Ее горе было безмерно, и она носила траур с особым чувством. Черное платье, став ее основным нарядом, отличалось изысканным вкусом и своеобразием: чего стоили одни плерезы — эти печальные символы невозможной утраты, нашитые по вороту и рукавам платья!

Сестры были очень похожи, обе высокие, полногрудые, статные. Правда, Аполония всегда считала Аделию более привлекательной. Большие, ласковые серые глаза сестры казались бездонными, притягивали к себе, проникая взглядом в самую душу.

Они нежно поцеловались.

— Ты бледна нынче. Нездорова? — Аделия сняла перчатку и провела мягкой рукой по щеке сестры.

— Просто устала.

— Яков сказал, что Андрей Викторович в отъезде? Отчего он не зашел к нам?

«К нам. Она все еще говорит так, хотя живет одна», — молниеносно пронеслось в голове у Аполонии.

— Не знаю, вероятно, дела, — спокойно ответила Аполония и, чтобы перевести разговор, сразу спросила: — Как там Лека?

— Чудит по-прежнему. Но я ее давненько не видела, — со вздохом ответила Аделия. Таким тоном обычно говорят либо о неизлечимых больных, или о запойных пьяницах.

Лека, Леокадия, третья и самая младшая из сестер Манкевич, единственная оставалась незамужней и вела весьма вольный образ жизни, чем повергала старших сестер в большое уныние.

В это время снаружи раздался довольно громкий звук. Кот упорно царапал дверь. Аделия поспешно отворила, и в квартиру важно вступил огромный пушистый белый кот. Он вошел, горделиво подняв хвост, чувствуя себя тут хозяином.

Потянулся передними лапками, потом задними, размял спину и уселся, вперив в гостью лукавые голубые глаза.

— А, Жалей! Милый котик! Пришел со мной поздороваться? — Гостья приветливо потрепала его. Жалей позволил ей эту вольность, а потом прыгнул на диван и растянулся там, не сводя с женщин внимательного взгляда.

— Как моя Лиза? — мимолетно поинтересовалась Аделия, расхаживая по комнате и раскладывая предметы своего изысканного гардероба: шляпу с вуалью-паутинкой, перчатки, тальму. Она старалась не попасть в кошачью шерсть: белые волоски на черном так заметны. Беспорядок в комнате ей очень не нравился, но она не стала говорить об этом вслух, лишь подумала: «Все-таки никудышная горничная у Поли, плохо сметает и пыль, и шерсть!»

— Лиза здорова, только скучает. Нынче опять плакала.

— Пошли за ней, хочу ее видеть поскорее, мою девочку!

Аполония медлила.

— Деля, родная, я понимаю твои чувства. Но ты всякий раз игнорируешь мою просьбу не вызывать Лизу из дортуара, когда все дети уже угово-

нились и готовятся ко сну. Поднимется шум, гам, разговоры, недовольство, что племяннице директора предоставляются особые условия. Она начнет плакать, будет просить оставить ее ночевать здесь, с тобой. Нехорошо выйдет перед другими детьми.

— Да, все правильно. Но теперь, когда мы с ней остались одни, я каждую минуту ощущаю ее отсутствие. Это невыносимо тяжело для нас обеих. — Аделия недовольно повела плечами, ей не хотелось доставлять сестре неприятности, но и отказать от желания тотчас же обнять своего ребенка она не могла.

— Неужели ты приехала, чтобы забрать Лизу домой? — догадалась Аполония и с отчаянием подумала: «Час от часу не легче! Что скажут другие родители, когда узнают, что из пансиона забрали племянницу директора? Значит, все слухи и подозрения верны! О, нет, только не теперь!»

Аделия выглядела смущенной. Ей совершенно не хотелось вставлять палки в колеса делу сестры и зятя. Но в последнее время у нее неожиданно появилась тяжесть на сердце. Такое же странное чувство она испытала тогда, накануне гибели Антона Ивановича, обожаемого супруга.

— Прошу тебя, не надо так расстраиваться. В сущности, я еще ничего не решила, — прими-